

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Н. В. Плотикина¹

В статье представлена интерпретация города как пространства политической повседневности. Показаны основные подходы к изучению политической повседневности города. Предложена типология основных направлений в исследовании городской политической повседневности: анализ репрезентаций пространства и пространственных практик повседневности политики и изучение города как пространства репрезентаций, практик политики повседневности.

Ключевые слова: город, социология города, политическая социология, политическая повседневность.

In the article the interpretation of the city as a political space of everyday life. Shows the main approaches to the study of political everyday life of the city. We propose a typology of the main directions in the study of urban political everyday life: analysis of representations of space and spatial practices of everyday politics and the study of cities as spaces of representations, practices politics of everyday life.

Key words: city, sociology of city, political sociology, political everyday life.

В социологических исследованиях изучение локального часто переплетается с анализом повседневного. Современное ощущение городской политической повседневности во многом связано с изменением границ приватного и публичного пространства, динамикой глобального и локального, возникновением новых форм политического участия, деятельностью городских социальных движений, «поворотом к мобильностям» (Дж. Урри). Б. Вальденфельс, обсуждая различные типы понимания повседневности, характеризует город как «место обмена и обмен мнениями». Жизнь различных городов ложится в основу концептуализации повседневности [3, с. 48-49]. Иными словами, город часто объединяет в себе объект и место проведения исследования. Как справедливо отмечает Е. Трубина, «го-

¹ Юрченко Наталья Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: nnyurchenko@mail.ru

Исследование выполнено в рамках работы над научно-исследовательским проектом «Оптимизация административных практик в области политического и государственного управления в современной России» по программе Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)».

род — это главное пространство, где происходят социальные изменения, и ключевое место, в котором создается социальная теория» [12, с. 15]. Вместе с тем город становится полем познания для каждого горожанина. Социологи О. Запорожец и Е. Лавринец понимание городского определяют тактикой пребывания исследователя в городе: примеряя на себя роль местного жителя или туриста, фланера или классического исследователя, анализирующий субъект в своем столкновении с городом выбирает определенную оптику его рассмотрения и выстраивает свои отношения с ним [7].

В работах различных авторов повседневность часто рассматривается как нечто очевидное. Однако данное понятие относится к разряду «лжеочевидностей» (Р. Барт). Повседневность кажется ясной не потому, что отрефлексирована, а потому что ускользает от рефлексии. Повседневная жизнь выступает исследовательским объектом для целого ряда гуманитарных дисциплин, среди которых нет согласия в определении понятия. Термин «повседневность» (нем. *Alltaglichkeit*) был предложен А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот в феноменологии Э. Гуссерля. Для А. Шюца повседневный жизненный мир — область реальности, которую индивид воспринимает как данность, как само собой разумеющееся. Повседневный мир — мир рутинной деятельности, мир работы [14, с. 406]. Г. Гарфинкель подчеркивал важность «проблематизации повседневности»: чтобы открыть правила повседневного взаимодействия, увидеть их, необходимо стать чужаком в отношении обычного характера повседневных сцен. Российский исследователь В. Вахштайн рассматривает повседневность как уровень элементарных порядков интеракции «лицом-к-лицу», обладающий собственной организацией и когнитивным стилем [4, с. 67].

Важно разграничивать понятия «повседневность политики», «повседневность власти» и «политика повседневности». Повседневность политики включает в качестве ключевого элемента повседневность власти. Практика повседневности показывает, что, оказываясь в сфере действия того или иного института, индивид взаимодействует прежде всего с людьми, представителями данных институтов. Поэтому, говоря о повседневности власти, мы подразумеваем практики, исходящие от конкретных представителей данной власти, и соответственно политика повседневности означает ответную реакцию индивидов на действия носителей государственного суверенитета/властных полномочий (политика как стратегия самопрезентации повседневности). Возникает вопрос: является ли приватность власти повседневностью? Е. Алексеенкова и В. Сергеев выделяют приватную сферу индивида и приватную сферу государства (сферу реализации политики посредством социальных сетей и неформальных правил), последняя имеет ядро и периферию. В рамках периферии постоянно происходит взаимодействие между государством и приватной сферой граждан (медицинские учреждения, школы, университеты, полиция, таможня, армия) [1, с. 156]. «Микрофизика власти» (М. Фуко) подразумевает наличие определенных технологий воздействия власти на повсед-

невность: локализация, индоктринация, изоляция, изъятие, дисциплина, прямое и косвенное нормирование повседневности [9, с. 51]. Публичная сфера определяет порядок взаимодействия индивида и государства, являясь средством защиты приватной сферы граждан. Таким образом, приватность/публичность выступают в роли ценностных центров, структурирующих повседневность; публичное пространство является пространством взаимодействия политики повседневности и повседневности политики.

Понимание политики повседневности, с одной стороны, связано с политизацией повседневности как результатом влияния на политику неполитических сфер, социальных движений (как индивиды влияют на власть, отстаивая свои повседневные интересы, самоорганизуясь в сообщества, организации). С другой стороны, политизация повседневности означает колонизацию жизненного мира (Ю. Хабермас).

Существуют различные исследовательские оптики применительно к городской политической повседневности: фрейм-анализ, теория практик, дискурс-анализ, методика визуальной антропологии.

В. Вахштайн, изучая фреймы голосования и городского пространства, показывает процесс транспонирования голосования из электорального фрейма во фрейм священнодействия и фрейм фестиваля, анализирует рефрейминг и производство этничности на избирательном участке. Характеризуя оптические настройки исследователей, занимающихся теоретизированием городской среды, он подчеркивает: «Социолога в городе интересует, прежде всего, его социальная организация, социальная конструкция различных (публичных и частных) мест» [5, с. 258]. Выделяя две идеальные социальные логики места (место-сайт и место-локал), исследователь интерпретирует в конечном итоге публичное место как метакommunikативное сообщение, инкорпорирующееся в повседневную практику посредством декораций и реквизита [5, с. 291]. Фрейм-анализ может использоваться для рассмотрения городских социальных движений (Д. Сноу, Р. Бенфорд, Е. Здравомыслова, К. Клеман).

О. Запорожец и Е. Лавринец, используя методику визуальной антропологии, выявляют особенности «городской хореографии» в транзитных «не-местах» (М. Оже) городского пространства [8]. Н. Рис в работе «Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки» стремилась показать, что повседневные разговоры московской интеллигенции служат механизмом формирования социальных ценностей, конструирования идентичности и осуществления перемен в период перестройки [11]. А. Хуффшмид и К. Вильднер, применяя аналитическую оптику визуальной антропологии и дискурс-анализа, исследуют политическую театрализацию пространственных и дискурсивных практик на примере президентских выборов 2006 г. в г. Мехико [16].

Э. Амин и Н. Трифт в работе «Города: переосмысливая городское» предлагают следующие метафоры изучения урбанизма повседневности [2]: *транзитив-*

ность/пористость — город интерпретируется как место смешения и импровизации; подразумевается пространственная и временная открытость города; *ритмы* — это координаты, по которым обитатели города упорядочивают и оформляют свой опыт города; *отпечатки следов города* — это городское планирование, правила архитектурной застройки, транспортные маршруты, сети коммуникаций; *практики биополитики* — термин восходит к М. Фуко и подразумевает наличие в городском пространстве практик формирования тела, имеющих целью производство управляемых субъектов. Метафоры городской повседневности отражают существование технологий микроконтроля власти (М. Фуко): локализации, индоктринации, изоляции, изъятия, дисциплины, прямого и косвенного нормирования повседневности. *Отпечатки следов города*, в том числе коммеморация (строительство музеев, памятников), являются важнейшим элементом государственной политики и инструментом строительства нации (Э. Хобсбаум, Б. Андерсон). Государство способно варьировать доступ к «местам памяти», будучи убежденным, что власть над пространством является сильной властью (П. Бурдьё).

Э. Амин и Н. Трифт выделяют три основных видения городской демократии: город как пространство публичной сферы, основа для коммуникации и политического участия. Основной ресурс городской демократии — мобильность, обеспечивающая сосуществование различных групп, феноменов. В. Ледяев определяет городской политической режим как коалицию акторов, представляющих публичную и частную сферы городской жизни [10]. С. Луфт, Х. Вolland, А. Клее анализируют политическую коммуникацию в городском пространстве на примере граффити [17].

Э.БертуццоразвиваетконцепциюпространстваА.Лефевра.Фрагментированное городское пространство включает три типа пространств: физическое (распорядок дня, рынок, мобильность), ментальное (репрезентации города, репрезентации пространства и формы пространственных репрезентаций) и социальное, конструируемое повседневными социальными практиками. Исследовательница выделяет шесть репрезентаций города: город как родина; социальное и политическое место; инфраструктура; улучшение жизненных позиций (для мигрантов); пространство неравенства и специфическая материальность [15, р. 103]. Репрезентации пространства — это прежде всего пространства политической коммуникации и власти, пространственные репрезентации — ментальные карты горожан. Автор отмечает взаимовлияние и динамику трех типов пространств.

В целом исследования городской политической повседневности можно условно разделить на две следующие группы: изучение репрезентаций пространства и пространственных практик повседневности политики и соответственно анализ города как пространства репрезентаций, практик политики повседневности. Термин «репрезентация пространства» был введен А. Лефевром, когда он, размышляя о влиянии капитализма на ритмы повседневности, выделил три вида

пространства: пространственные практики; репрезентация пространства (упорядочивающие пространство виды знания, репрезентаций и дискурсов) и пространства репрезентации [13, с. 54].

Изучение городской повседневности политики включает интерпретации визуальных репрезентаций (кинематограф, фотография, архитектура, ментальные карты горожанина и т.д.); рассмотрение городского правительства (элитистские и плюралистские концепты городской политики; теория машины городского роста, теории городских режимов, городского менеджизма и т.д.); анализ городской хореографии, включающей правила и ограничения пребывания в городских местах, организацию городских пространств как проявление определенного порядка, телесное освоение и толкование изменяющегося города [8, с. 47-48]. Последняя составляющая городской хореографии находится также в фокусе исследовательской оптики авторов, изучающих политику повседневности. Понятие «городская хореография» тесно связано с темой городских ритмов (А. Лефевр, Э. Амин, Н. Трифт).

Интерпретация городской политики повседневной жизни (У. Бек) предполагает обсуждение «консюмеризации политического поведения», политических мобильностей горожан, изучение городского управления как процесса управления городом, в который вовлечены разнообразные партнерства (М. Гудвин, Дж. Пэйнте), городских социальных движений, участники которых реализуют свое «право на город» (А. Лефевр).

М. де Серто в работе «Практика повседневной жизни» концептуально описал локальные практики индивидов, направленные на сопротивление «микрופизике власти», организованному воздействию властей. Он стремился выявить «модели действия, характерные для пользователей, чей статус как доминируемого элемента в обществе (статус, который предполагает, что они пассивные или послушные) скрыт за эвфемизмом «потребитель» [6, с. 195]. Под потребителем подразумевалась широкая категория акторов, которым институты, аппараты власти или системы символического производства предписывают определенный способ подчинения через потребление. В целом же понимание М. де Серто практик носило политизированный характер: практики как искусства делания, имитации и пространственного маневрирования для того, чтобы присвоить часть утраченных прав и свобод. М. Капельс пытался сконструировать теорию городских социальных движений как часть теории изменения города. А. Лефевр протестовал против способов, какими профессионалы-планировщики и городские бюрократы создают городское пространство с тем, чтобы свести к минимуму спонтанные политические действия и нейтрализовать возможное сопротивление [12, с. 348]. К. Пикванс разработал типологию городских социальных движений, основанную на предмете борьбы горожан: выделение жилья и услуг; доступ к жилью и услугам; контроль и управление городской средой; социальные и экологические угрозы [12, с. 350].

Таким образом, ряд исследователей вслед за А. Лефевром считают повседневность важным углом зрения, под которым следует рассматривать город. Изучение города как пространства политической повседневности, предполагая использование теоретических ресурсов социологии города, визуальной антропологии, политической социологии повседневности, ориентирует аналитическую оптику на раскрытие значения практик и техник городской политической повседневности, ее пространств и предметов.

Библиографический список

1. *Алексеев Е. С., Сергеев В. М.* Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис. 2008. № 3.
2. *Амин Э., Трифт Н.* Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3 (34).
3. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991.
4. *Вахштайн В. С.* «Практика» versus «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1.
5. *Вахштайн В. С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
6. *Волков В. В., Хархордин О. В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
7. *Запорожец О., Лавринцев Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // Communitas/Сообщество. 2006. № 1.
8. *Запорожец О., Лавринцев Е.* Хореография беспокойства в транзитных местах: к вопросу о новом понимании визуальности // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.
9. *Королев С. А.* Власть и повседневность: социально-философский взгляд // Россия и современный мир. 2008. № 3.
10. *Ледяев В. Г.* Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука, 2008. № 3.
11. *Рис Н.* «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛО, 2005.
12. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
13. *Филиппов А. Ф.* Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
14. *Шюц А.* О множественных реальностях // Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
15. *Bertuzzo E. T.* Fragmented Dhaka. Analysing Everyday Life with Henri Lefebvre's Theory of Production of Space. Stuttgart: Steiner Verlag, 2009.
16. *Huffschmid A., Wildner K.* Räume sprechen, Diskurse verorten? Überlegungen zu einer transdisziplinären Ethnografie // Forum Qualitative Sozialforschung/Forum: Qualitative Social Research. 2009. № 10 (3).
17. *Politische Kommunikation im städtischen Raum am Beispiel Graffiti.* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.